

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОЧНОЙ АНТРОПОНИМИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII–XIX ВЕКОВ

ЛЕЙЛА Ю. МИРЗОЕВА

Университет имени Сулеймана Демиреля
Факультет юриспруденции и социальных наук,
Кафедра педагогики и социальных дисциплин
пр. Абылай-хана 1/1, 040900, г. Каскелен, Карасай, Алматинская обл., Казахстан
e-mail: mirzoeva@list.ru
(получено 26.04.2014; принято 15.12.2014)

Abstract

The evolution of emotive proper names in Russian language from XVII till XIX c.

The article deals with a wide range of problems related to perception and interpretation of emotive proper names which existed in the Russian Language of 17–19 centuries. This type of language units requires special background knowledge in the sphere of emotive meanings which can be positive, negative or ambivalent. Emotive proper names are based on national stereotypes; that is why they are capable to render linguistic-cultural information containing typical evaluations. In order to understand the evaluative system represented in Russian language, linguists should analyze emotive proper names from the aspects of space and time, and these principles of analysis enable us to expose evolutionary processes both in the range of emotive proper names and in the manner of their use.

Key words

Evaluation, proper name, stereotype, intensifying, emotive inversion, diachrony.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы восприятия и понимания специфического разряда собственных имен, требующих знания закрепленных за ними оценочных смыслов (позитивных или негативных). Данные имена, ориентированные на квазистереотип, несут в себе заряд лингвокультурологической информации, поэтому очевидна необходимость анализа их в аспекте эволюции, в системе координат «пространство – время». В ходе исторического развития, как это показано в данной работе, существенно меняется и спектр этих оценочных средств, и принципы их использования.

Ключевые слова

Оценочность, антропоним, квазистереотип, интенсификация, оценочная инверсия, диахрония.

В процессе лингвистического анализа художественных текстов (а порой — даже при их прочтении) особые сложности связаны с восприятием и пониманием специфического разряда собственных имен, требующих знания закрепленных за ними оценочных смыслов (позитивных или негативных). Как указывает Е.Ю. Рубцова, «присущая языку кумулятивная функция определяет возможность накопления и отражения в антропонимах национально-культурной прагматической информации»¹. Исследователи обозначают антропонимы такого рода по-разному. Так, Ю.А. Бельчиков² квалифицирует их как имена с культурным коннотативным компонентом, Р.А. Каримова³ считает, что для адекватного их восприятия требуются специальные фоновые знания. В.Н. Телия⁴ утверждает, что в них присутствует так называемый квазистереотип. Этим понятием мы и будем пользоваться в дальнейшем, так как, по нашему мнению, именно оно может прояснить те изменения, которые происходят в национальной языковой картине мира, процессе диахронического развития и находят свое отражение в оценочной антропонимике. Под *квазистереотипом* понимается символ, традиционный для данной языковой общности, отражающий видение мира данным народом. Квазистереотипы напрямую связаны с оценочной информацией, которая в большинстве случаев заложена в их семантике и не имеет иных

¹ Е.Ю. Рубцова. *Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону 2006, с. 5.

² Ю.А. Бельчиков. *О культурном коннотативном компоненте лексики*. [В:] *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 1988, с. 30–35.

³ Р.А. Каримова *Слова с фоновым оценочным значением*. «Русский язык в национальной школе», 1983, № 6, с. 13–17.

⁴ В.Н. Телия. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

способов эксплицитного выражения. Для носителей другого языка, иной культуры содержащиеся в них оценки могут показаться немотивированными и необоснованными. То же самое утверждение может оказаться справедливым и по отношению к разным срезам на диахронической оси развития одного конкретного языка (в частности, русского), так как зачастую передаваемые теми или иными средствами оценочные смыслы могут оказаться неактуализируемыми на ином этапе исторического развития языка и присущей ему системе оценочных средств. В свою очередь, то, что не является ясным для носителей языка на том или ином историческом срезе, становится и менее употребительным. Дело здесь не только в субъективных авторских интенциях или в специфике языка художественной прозы, но и в том, что автор ориентирован на реципиента, на его восприятие, на фоновые знания, которые позволяют декодировать содержащуюся в тексте информацию. Аксиологически ориентированная информация является достаточно сложным для декодирования видом информации; именно поэтому авторская оценка зачастую опирается на оценочные стереотипы, характерные для того или иного временного среза. Конечно, в данном случае речь не может идти о нормативности употребления в строгом смысле слова; речь идет лишь о тенденциях в употреблении той или иной оценочной антропонимики.

В рамках данной статьи мы опираемся на фактический материал, извлеченный методом сплошной выборки как из словарей (в числе которых — *Словарь русского языка XI–XVII веков*, *Словарь русского языка XVIII века*), так и из достаточно большого массива художественных текстов, которые соотносятся с рассматриваемым периодом. Привлекались также данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ); но лишь в той части, где предпринимался анализ именквазистереотипов, бытовавших в литературном языке XVIII и XIX веков (более ранние данные в НКРЯ не представлены). В целом, нами было проанализировано 657 контекстов, содержащих аксиологически ориентированные имена; из них 142 представляют собой тексты XVII века; на долю текстов XVIII века приходится 226 случаев употребления оценочной антропонимики и, наконец, 289 случаев употребления имен, содержащих оценку, соотносятся с текстами XIX века. Безусловно, объем статьи не позволяет привести большую часть иллюстративного материала; поэтому ограничимся наиболее типичными и наиболее интересными случаями. Помимо этого, нами будет приведен ряд данных НКРЯ, отражающих употребительность оценочной антропонимики в XIX–XX веках.

По своей природе антропоним, казалось бы, не может иметь в своей семантике ни пейоративной, ни мелиоративной оценки. Более того, в собственных именах содержится минимум информации об их носителях: «имя собственное личное составляет класс немотивированный»⁵. Но в то же время, в силу двойственной природы данных имен, переосмысленное в итоге лингвокреативной мыслительной деятельности человека собственное имя несёт в себе ценностно-смысловую нагрузку. Процесс речевого активизирования этого содержания ведёт к появле-

⁵ Н.И. Толстой. *Заметки о славянских именах собственных*. [В:] Н.И. Толстой. *Избранные труды*. Т. 1. Москва: «Языки русской культуры», 1997, с. 378–395.

нию знаков вторичной номинации. В целом на уровне языка происходит процесс перекатегоризации имён. Имя собственное переходит в категорию слов общей номинации с предметно-ценностной семантикой⁶.

Выявить и интерпретировать оценочный смысл этих имен позволяют только имеющиеся у реципиента базовые, фоновые знания. В упомянутой выше работе А.Е. Бижкеновой подчеркивается, что «онтологическая сущность значения вообще выражается, как известно, в её кумулятивном характере. А эти словесные знаки являются носителем глубокой информации культурно-исторического, национально-этнического, географического содержания»⁷. По нашему мнению, восполнить вакуум информации такого рода может лишь грамотная и культурная работа со справочной литературой, предваряющая анализ, либо — при невозможности осуществления этого в данный момент, в частности, в ходе работы по лингвистическому анализу текста — комментирование и составление специальных мини-словарей, предваряющих текст. Необходимость этого очевидна, так как и на пространственной оси (для носителей иной культуры), и на оси временной, отражающей разные этапы исторического развития языка, культурный компонент данных языковых единиц является уникальным средством передачи аксиологической информации, без восприятия которой декодирование текста может оказаться весьма приблизительным.

Следующий за осмыслением этап работы с именами, ориентированными на квазистереотип, — определение их функций в художественном тексте. Нами были выявлены три функции:

- функция интенсификации оценки; она выполняется этими именами в том случае, если текст сам по себе содержит оценочную информацию, насыщен оценочными единицами разных уровней;
- функция инверсии оценки, имеет место в том случае, когда антропоним в контексте меняет присущий ему объективно оценочный знак (из положительно оценочного становится отрицательно характеризующим и наоборот);
- функция формирования целостности текста; проведенный нами анализ показал, что антропонимы, ориентированные на квазистереотип, чаще всего контактно расположены в тексте.

Представляется необходимым более подробно остановиться на интенсификации и инверсии оценки в аспекте их эволюции. Своеобразие имен-квазистереотипов как типа оценочных единиц состоит в том, что они, во-первых, национально ориентированы, во-вторых, отражают специфику эпохи и языковой картины мира применительно к определенному временному отрезку, и, в-третьих, дают оценочную информацию в имплицитной форме, представляя знания, имеющиеся в прецеденции. Как указывает Г.Б. Мадиева, национальная ономастика является «одной из универсалий фондовой лексики» и в ней «имплицитно заложена информация о духовной культуре различных этно-

⁶ А.Е. Бижкенова. *Ономастическая оценка в языковой картине мира*. «Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия филологическая» 2005, 2, с. 68.

⁷ Там же, с. 68.

сов. Следовательно, она включает в себе этнокультурную семантику, необходимую для познания культуры народа — ее создателя — посредством языка»⁸. Ориентированные на квазистереотип имена собственные отражают закономерности формирования аксиологических коннотаций в тех случаях, когда в качестве исходного момента оценки выступает абсолютно объективная, безоценочная информация⁹. Они затрагивают и социолингвистический аспект оценочности, вызывая усиление эмоционального воздействия текста.

Оценочные смыслы, заложенные в именах-квазистереотипах, являются диахронически детерминированными. В нашем исследовании значительная часть имен-квазистереотипов генетически связана с христианской либо античной мифологией, что предопределяет их аксиологическую и этнолингвистическую специфику. То, что мифологичность является основой диалектичности, совершенно очевидно: именно миф сообщает ту энергию, которая питает этимологию, семантику и прагматику номинации, с ее динамическим равновесием денотации и коннотации¹⁰.

Применительно к данным именам представляется правомерным говорить и о метафоричности и вытекающих из нее характеристиках; ср., например, утверждение В.Н. Телии¹¹:

В оценочно-экспрессивной метафоре подобие также преобладает над тождеством, как и в оценочной, что онтологически закономерно: основной объект метафоры — то, что есть в мире (некоторое свойство или положение дел), а вспомогательный комплекс — это образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа, т.е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства (медведь — неуклюжести, лиса — хитрости), некоторой ситуации (плестись, тащиться — медленного и «вялого» движения) и т. д. В таком соположении не только гетерогенных сущностей, но к тому же и такого их подобия, которое создается за счет свойств квазистереотипа, реальное тождество не может иметь места. Именно по этой причине оценочно-экспрессивная метафора, как правило, не преобразуется в чисто оценочное значение даже при угасании образа, хотя и такое развитие возможно.

Подобные процессы свойственны и для развития ономастикона, который постепенно утрачивает внутреннюю форму и вместе с ней — метафоричность; однако на том этапе, когда она еще подвергается декодированию, она, по нашему мнению, может быть воспринята как оценочная метафора.

Исследование данных средств выражения оценки в диахроническом аспекте обусловлено и тем, что, как правило, оценочность вообще не статична, она исторически детерминирована; динамика выражаемой оценки непосредствен-

⁸ Г.Б. Мадиева. *Теория и практика ономастики. Учебное пособие*. Алматы: Казак университеті, 2003, с. 38.

⁹ Б.А. Кислов. *Проблемы оценки в философии. Вопросы теории и методологии*. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985.

¹⁰ Р.Г. Погосян. *Концепт «судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск 2005.

¹¹ В.Н. Телия. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука, 1986, с. 26.

но связана с динамикой национальной картины мира, как уже говорилось выше. Поэтому, в частности, антропонимы с культурными коннотациями, значимые для оценочной картины мира в XVII веке, могут утратить свой аксиологический колорит для носителя современного русского языка. В то же время при исследовании имен с культурным компонентом невозможно не упомянуть о таком источнике, как тексты XVII века, так как в это время интенсифицируются процессы секуляризации духовной жизни, а это находит отражение в языке художественной литературы и, в частности, в изменении оценочных ориентаций. Отметим как наиболее часто употребляемые в оценочной функции такие антропонимы, ориентированные на квазистереотип, как *Иисус Навин*, *Иаков*, *Иосиф*, *Исав*. Известно, что, по Библии, Иисус Навин — один из великих полководцев Израиля, имена Иакова и Иосифа в сознании верующих (в особенности в эпоху господства религии в сфере духовной жизни) ассоциировались с такими добродетелями, как смирение и покорность божьей воле, а также с богоизбранностью. Напротив, имя Исав служило своеобразным символом гордыни («что плохо» — такова оценочная рамка, связанная с именем Исав и с этим качеством в сознании языковой личности XVII века). В то же время, большинство оценочных антропонимов и топонимов ориентированы на религиозную картину мира, и зафиксированные в них оценки служат косвенным отражением того, что в аксиологической системе человека XVII в. было положительным, а что — отрицательным. Так, антропонимы-квазистереотипы способствуют отражению антитез «покорность, смирение/гордыня» (*Иаков/Исав*), «мужество и кротость/ложное величие» (*Давид и Голиаф*): «И отпускает его, яко ангел божи *Гедонеа на царей Мадиямских*, и яко *Самоил кроткаго Давида на силнаго исполина Голияда...*» [*Голиафа* — Л.М.]; «От праотец своих благословени была они же, от *Измаила* и *Исав*а прегордаго... мы же есмя от кроткаго и смиреннаго праотца нашего *Иакова...*» и пр. Достаточно часто они включаются в состав оценочных сравнений: «Аще и *Иев* [*Иов* — Л.М.] говорил так, да он праведен, а се и Писания не разумел...» (*Житие протопопы Аввакума*). «Я-су, — простите! — своровал: яко *Раав блудная во Иерихоне Исуса Наввина* людей, спрятал ево, положи на дно в судне...» (Там же). Имена с закрепленным оценочным значением могут быть употреблены в составе обращений к конкретному корреспонденту (адресату). В таких случаях мелиоративная оценочность, закрепленная за именами-квазистереотипами (как антропонимами, так и топонимами), перерастает в открытую похвалу и согласуется с иными положительно оценочными единицами в составе обращения. Ср., например, письмо протопопы Аввакума к его духовным дочерям, боярыне Морозовой и княгине Урусовой: «Два супруга нераспряженные, две ластовицы сладкоглаголивыя, две маслины и два свешника, пред богом на земле стояще! Воистину подобны есте *Еноху* и *Илии...* Как вас нареку? *Вертоград едемский* именую и *Ноев славный ковчег*, спасший мир от потопления!» Антропонимы-квазистереотипы могут подчеркивать значимость исторической личности (как позитивную, так и негативную). Данная их функция отчетливее всего прослеживается в *Повести о смерти и о погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского*. Ср.: «Инии же яко новаго *Иисуса Навина* нарицаху его, инии же яко *Гедонеа*

и *Варака или Самсона*, победителя иноплеменником, зваху его... Овие же, яко *Давида*, отмстителя врагом, зваху, или яко *Июду Маккавейскаго*, в толикое нужно время храбровавшего...». И там же: «Яко же плакашеса прежде по патриархе *Иякове Иосиф*, или, паки рещи, плакася по *Самоиле пророце* весь Израиль великим плачем...». Состав выявленных нами антропонимов с аксиологической ориентацией в данный период достаточно монолитен: из 142 проанализированных контекстов в 128 обнаружены квазистереотипы-библейзмы; оставшиеся 14 содержат либо имена исторических лиц, наделенные аксиологическими коннотациями (9 имен), либо отсылку к древнеславянской и античной мифологии (5 имен), ср.: «...и дани великие со Царяграда имал со благородных грек, победивше их древле Трою и прегордаго царя *Ксера*» (*Ксеркса*); *Велми же возавиде Владимиру Манамаху...*; «Царь же князь великий приемлет святительское благословение.. вкупе же с ним храбрость и мужество *Александра, царя Македонскаго...* (*Сказание о царстве Казанском*); ...*Четвертый идол — Ладо. Сего имяху бога веселия и всякого благополучия. Жертвы ему приношаху готовящиеся ко браку, помозицу Лада мнящи себе добро, веселие и любезно житие стяжати* (Инокентий Гизель. *Киевский «Синописис»*); *Афродитския дела — блудные дела* (*Алфавит сказующий толкование иностранных речей обретаемых во святых книгах руского языка имущий начало от аза*. Рукоп. БАН, 33.9.1, XVII в.).

Исходя из этого, можно утверждать, что характер и тип оценок, выраженных ориентированными на квазистереотип собственными именами, является одним из показателей состояния оценочной системы в данный исторический период.

Имена собственные, ориентированные на квазистереотип как на традиционный, характерный для данной лингвокультурной общности символ — хранитель информации, широко представлены также в литературном языке XVIII века. Однако при сопоставлении их с именами-квазистереотипами, которые зафиксированы в текстах XVII века, обнаруживается ряд весьма характерных отличий. Так, можно говорить о практически полной переориентации в использовании данных оценочных единиц. Если функции их в принципе сходны, то в характере самих имен произошли значительные изменения. Это связано, безусловно, с изменением самих оценочных ориентаций и дальнейшей секуляризацией сознания человека XVIII века: если в литературе XVI–XVII веков отмечаются имена-квазистереотипы, связанные с библейскими прецедентными текстами, то литература XVIII века, напротив, изобилует «отсылками» к таким прецедентным текстам, какими являются античные мифы (отметим, что речь здесь идет о светских памятниках). Конечно, аллюзии, порождаемые данными именами, намного проще поддаются декодированию современным реципиентом, нежели те оценочные ассоциации, которые сопровождают имена-квазистереотипы, соотносимые с религией и церковью. Более «прозрачны» для современного носителя русского языка и порождаемые ими оценочные смыслы. Такая резкая переориентация, т.е. использование совершенно иного пласта квазистереотипов, на наш взгляд, связана и с тем, что «русская литература этих лет — в немалой мере плод усвоения и национальной переработки поэтики и стилистики различных западноевропейских литературных направлений (ср.

кратковременный расцвет русского классицизма и его связи с классицизмом французским и немецким...»¹². Именно общекультурный фон и взаимодействие таких тенденций, как секуляризация и интернационализация культуры, подготовили почву для использования символов античной мифологии в качестве средства выражения оценки. Отметим, что в процессе исследования данных языковых единиц уже М.В. Ломоносов, иллюстрируя вводимое теоретическое положение, наряду с квазистереотипами-библейзмами приводит антропонимы с закрепленной за ними оценкой, отражающие высокую степень освоенности античной мифологии: «Ирония состоит иногда в одном слове, когда малого человека Атлантом или гигантом, бессильного Сампсоном, скаредного Авессаломом или Иосифом называем...»¹³. Подобный рефлексивный анализ имени собственного свидетельствует, во-первых, о том, что оно является полностью освоенным фактом аксиологической системы языка, и, во-вторых, о том, что именно процесс секуляризации обуславливает соотнесение первого из антропонимов с положительной частью шкалы оценок, наряду с оценочными антропонимами-библейзмами.

Обилие имен-квазистереотипов, используемых в качестве средств выражения оценки, — характерная черта сатирических диалогов как специфического жанра литературы XVIII века. В то же время антропонимы и топонимы такого рода представлены и в иных жанрах достаточно широко. Ср., например, *Отрывок толкового словаря* Я.Б. Княжнина, где репрезентация квазистереотипов сопровождается комментариями, порой резко диссонирующими с устойчивыми, сложившимися в узусе и закрепленными за этими именами оценочными смыслами: «Эол — Бог ветров. Молодые вертопрахи с усердием поклоняются сему богу, и для того они так ветрены и непостоянны (-); Зефир. Скучный ветерок (-). Он всюду суется, и везде встречается; Пегас. Крылатая лошадка, которая таскает и хорошее, и дурное (-). В сознании реципиента XX века, уже освоившего такой прецедентный текст XIX в., каким является роман А.С. Пушкина *Евгений Онегин*, устойчивы ассоциации «летит, как пух из уст Эола». Заслуживает внимания и то, какие именно антропонимы и топонимы-квазистереотипы соотнесены в сознании персонажа (а вслед за ним — и автора, и читателя) с пейоративной, а какие — с мелиоративной зоной шкалы оценок:

Вижу Стикс, Ахерон, Фурий, Медузу, Сфинкса, Гидру, Титанов, Гигантов и тому подобное (проекция на негативную часть оценочной шкалы и обрисовка соответствующего эмоционального состояния) — Видишь ли ты когда во сне Дияну, Ендимиона, Венеру, Адониса и прочее такое? (таким образом медик выясняет, бывают ли какие-то светлые видения у его «пациента», одновременно соотнося отмеченные имена с положительным полюсом оценочной шкалы и актуализируя семы красота, духовная чистота и пр.) — Никогда, господин доктор. А из дияниной истории видел я однажды себя в образе

¹² Е.Э. Биржакова, Л.А. Воинова, Л.Л. Кутина. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград: Наука, 1972, с. 43.

¹³ О.П. Ермакова. *Ирония и проблемы лексической семантики*. «Известия АН. Серия литературы и языка» 2002. Т. 61, № 4, с. 33.

Актеона, когда он бежал от собак своих.

(А.П. Сумароков. *Медик и стихотворец*)

Как общий принцип использования оценочных квазистереотипов в данном случае может быть отмечена инверсия оценочного знака (от возвышенного, приподнятого — а коннотации такого рода закреплены за всеми данными именами — до комически искаженного, пародируемого и потому негативно оценочного). Особенно отчетливо это выражено в содержащей пейоративно оценочные лексемы (*таскает, дурное*) «словарной дефиниции», соответствующей имени *Пегас*, с которым обычно связаны позитивно оценочные ассоциации — в поэзии он представлен как вестник вдохновения. Снижено и представление о *Парнасе* (*Ельник — Парнасские розги, которыми наказываются худые стихотворцы*). Важно подчеркнуть, что в данном *Словаре*, как и, впрочем, в других текстах такого рода (в частности, в *Опыте Российского сословника* Д.И. Фонвизина, а также в *Опыте вещественного Российского словаря* неизвестного автора) нами выявлено лишь одно имя-квазистереотип, отсылающее к библейским прецедентным текстам и к религиозной системе оценок вообще. Даже оно встречается в окружении имен иного плана, хотя это сопоставление и не содержит кощунства: *Вольтеровы письма наполнены острою, грамота Филиппова к Аристотелю внимания достойна, послания святого Павла богодухновенны* (Д.И. Фонвизин. *Опыт Российского сословника*). Симптоматичен тот факт, что в литературном языке XVIII в. зафиксированы попытки возвращения к квазистереотипам времен язычества; но, поскольку такие имена нуждались в сопровождающих комментариях, очевидно, их оценочный потенциал поддавался декодированию с трудом, что свидетельствует о тщетности искусственного возрождения оценочного квазистереотипа: *В третий день моего путешествия, когда просыталася Зимцерла, спускался я с превысокой горы...* (М.Д. Чулков. *Пересмешник или Славенские сказки*). Авторское примечание, нацеленное на «возрождение» вышедшего из активного употребления в речи квазистереотипа, гласит: *Зимцерла — «славенская богиня, она была то же, что и Аврора, имела храм в Киеве...»* Ср. также «Тогда отважный Знич, блистающ, весь извне; Вещал: намеренья сии не нравны мне. Я хижинам свещу и озаряю троны; Во существе огня я россам жизнь дарю, Питаю, грею их, их внутренности зрю; ...зрю огненного Ния; В нем ада судию быть чаяла Россия. Он пламенный держал в руках на грешных бич» (М. Херасков. *Владимириада*). Под первым божеством (Знич) славяне подразумевали начальный огонь, или животворящую теплоту, способствующую существованию всего на свете; Ний представляет собой божество преисподней, карающего бога древнеславянской мифологии. Однако подобные вкрапления требуют либо контекстуального раскрытия (как это видно из приведенных здесь случаев), либо комментария. В оценочной системе русского языка XVIII в. вновь обретают «права гражданства» имена древних славянских божеств: *Дажьбог, Стрибог* и пр.; «*Дажьбог, Дажь или Дашуба, Славенский, Киевский бог, почитали его богом подателем благ и также еще богом богатства*» (М.Д. Чулков. *Краткий мифологический лексикон*). Однако, помимо приведенной здесь нейтральной дефиниции констатационного характера («имя данно-

го древнеславянского божества имело позитивные коннотации»), мы находим и употребление его в качестве оценочного квазистереотипа с позитивной квалификацией: «Летит дождь теплой вниз на нивы, ... где *Даждь* благой и щедрый родил древа и злаки» (А.Н. Радищев. *Путешествие из Петербурга в Москву*). На наш взгляд, использование данных имен в качестве СВО с мелиоративно оценочным значением может послужить свидетельством того, что табуистическое отношение к языческому прошлому Руси, еще отчетливо проявляющееся в языке XVII в., так же, как и негативная оценка античной мифологии, уже являются для языка XVIII в. фактами прошлого, а не факторами, формирующими систему позитивных и негативных квалификаций носителей языка в рассматриваемый период.

Снижение мелиоративных коннотаций имен-квазистереотипов и, как следствие этого, инверсия оценочного знака — достаточно широко распространенный способ применения анализируемых СВО в текстах XVIII века. Ср. микроконтексты из *Портретов* А.И. Клушина, содержащие имена-квазистереотипы с закрепленным позитивно оценочным значением: *Пот лил с меня градом, и хотя я мог получить простуду, но не внимал детищам Эвскулаповым, которые имеют честь род человеческий отправлять на тот свет..; И теперь еще могут быть толь великие люди, ежели истребят ложных Меценатов, которые не покровительствуют, но подавляют науки...* Можно утверждать на основании данных случаев и подобных им, что именно закрепленная за именем-квазистереотипом оценка (в большинстве контекстов такого рода негативная) способствует трансформации топонима или антропонима в нарицательное имя.

Инверсия оценочного знака, связанная с именем богини *Авроры* (символа красоты, обычно эксплицирующего лишь позитивно-оценочные значения), также отмечена нами в текстах XVIII в. Интересно, что переориентация оценочного знака имеет травестийный характер, ср.: *Румяна утренняя Аврора, Взлезая в верх из-за забора Выглядывала мордой всей; Четверку лошадей впрягала, Путь Солнцу в мир приготовляла* (Н.П. Осипов. *Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку*). Однако травестийно сниженное употребление данного мелиоративно оценочного имени-квазистереотипа вовсе не свидетельствует о том, что обозначаемое им явление негативно оценивается носителями языка в рассматриваемую эпоху; напротив, по нашему мнению, подобная речевая реализация свидетельствует о том, что квазистереотип полностью освоен и воспринят языком и культурой. Развитие же контекстуальной амбивалентности также может быть показателем развития системы имен-квазистереотипов и языковой системы СВО в целом. Кроме того, употребление имени богини, пусть античной, а не христианской, в стилистически сниженном контексте (ср. контекстуально сопряженные лексические единицы, уже в языке данной эпохи имеющие просторечную стилистическую квалификацию — *взлезая, морда*), отражает предельно «земное» восприятие божественного, что также является косвенным показателем десакрализации оценочной системы.

Бесспорно, однако, что позитивный знак оценки в связи с данным именем-квазистереотипом фиксируется в лексической системе русского языка XVIII в.

значительно чаще. Это затрагивает как семантику, так и стилистическую квалификацию (обычно сопровождающуюся пометой *поэт.*): *Аврора розами путь солнцу устилала, И утренней росой природу оживляла* (Зритель. 1792); *Ты, кое освещаешь последний день моего пленения, я могу на первые лучи твои ясным взрети оком; я могу, не проливая слез, зрети тамо твое сияние, где ближние мои собранны. Приятная Аврора! ты не явишься более, не внемля моим песням.* (Д.И. Фонвизин. *Иосиф*).

Таким образом, употребление имен-квазистереотипов с характерными оценочными коннотациями и их способностью актуализировать в сознании реципиента связанную с ними цепь ассоциаций либо прецедентный текст в литературе XVIII века существенно расширяется как в плане выполняемых функций, так и в отношении выбора самих средств выражения оценки. Состав антропонимов-квазистереотипов с аксиологической ориентацией в текстах XVIII века уже не столь однороден; можно также говорить о проявлении следующей тенденции: из 226 проанализированных контекстов квазистереотипы-библейзмы обнаружены лишь в 49; имена языческих богов Древней Руси, наделенные оценочной функцией, представлены в 15 контекстах; оставшиеся 162 случая содержат имена античных богов (113) и исторических лиц (39), ср.: *...весь мир захотел покорить; что за Александр Македонский?* (Ф.В. Ростопчин. *Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева*); *Изображался в уstraшенных умах их Петр Великий, в мужественной Своей Дщери живущий...* (М.В. Ломоносов. *Слово похвальное Ея величеству Государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, говоренное ноября 26 дня 1749 года*).

В какой-то мере тексты XVIII века, содержащие оценочные имена-квазистереотипы, можно считать своего рода «мостиком» между актуализацией этих средств в произведениях XVII века, с одной стороны, и в литературе XIX века — с другой. Так, определенное место в системе тезауруса носителя литературного языка XIX века продолжают сохранять имена-квазистереотипы, ориентированные на христианскую религию, что и обуславливает оценочный знак, закрепленный за ними. Ср.: «И бог, видя таковую его преданность, воззрел на него. Через короткое время Иов был и здоров, и богат, и славен более прежнего» (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Деревенский пожар*). «Поглядеть на тебя с бороды, как есть Авраам, а на деле сосновый чурбан» (П.И. Мельников. *В лесах*). «Это вот только такие бабники и тряпки, как Павлицев, свершив немало пакостей в молодости, после “мякнут” и изображают из себя кающихся Магдалин!» (К.М. Станюкович. *Откровение*). «— Ишь, Искарриот, ошалел! — шепнул мне Изуверов, по-видимому, принимавший в старухе большое участие. И чтоб он, расподлец, хворости или старости на помощь пришел — ни в жизнь этому не бывать!» (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Игрушечного дела людийки*). «Не верьте этим Иудам, хамелеонам! В наше время легче потерять веру, чем старую перчатку...» (А.П. Чехов. *Двое в одном*). «Глядя на него, забываешь, что он силен, как Голиаф» (А.П. Чехов. *Драма на охоте*). «Пусть дерзкий и наглый Голиаф от пределов Франции обносит на краях России смертоносные ужасы; кроткая вера, сия праща российского Давида, сразит внезапно главу кровожаждущей его гордыни.

Сей образ преподобного Сергия, древнего ревнителя о благе нашего отечества, приносится вашему императорскому величеству. Болезную, что слабеющие мои силы препятствуют мне насладиться любезнейшим вашим лицезрением. Теплые воссылаю к небесам молитвы, да всесильный возвеличит род правых и исполнит во благих желания вашего величества» (Л.Н. Толстой. *Война и мир*).

Небезынтересен тот факт, что антропонимы с закрепленной мелиоративной оценкой могут подвергнуться ироническому переосмыслению (ср. употребление имен *Иов, Авраам, Магдалина*), могут как сохранить положительный смысл путем отсылки к основанию оценки, так и интенсифицировать способность к выражению негативно оценочного значения (случай с употреблением имени *Голиаф*). Ср. также: Сидел Егорушка по-турецки, поджав под себя ноги. Около него, на полу, лежала его приятельница Калерия Ивановна. Князь пил пиво, его *Дульцинея* — мадеру» (А.П. Чехов. *Цветы запоздалые*). И внутренняя форма антропонима *Дульцинея* (исп. «нежная, сладкая»), и закрепленные за ним мелиоративные коннотации явно не соответствуют приведенному описанию. Ср. также граничащее с пародийным снижением имен, ориентированных на античную мифологию: «Мимо нас проходит наш департаментский “отворяйло и запирайло”, наш *Аргус и Меркурий*, пирожник и рассыльный, Спевсип Макаров» (А.П. Чехов. *Добрый знакомый*), а также антропонимов, «вводящих в светлое поле сознания» (термин А.А. Потебни) представление о реальных личностях: «Когда подали шампанское, мы попросили нашего губернского секретаря Отлетаева, нашего *Ренана и Спинозу*, сказать речь» (А.П. Чехов. *Рассказ, которому трудно подобрать название*).

Имена-квазистереотипы с негативно оценочными коннотациями, напротив, зачастую трансформируются в инвективы, полностью утрачивая когнитивную функцию и закрепляя за собой эмотивную. Инвертированный знак оценки может являться следствием несоответствия (называемого в стилистике декодирования приемом обманутого ожидания). Акцентируем внимание на том, что наиболее часто подобная ситуация отмечается нами в случае употребления антропонима с так называемым «пустым» денотатом, ориентированным на определенные мифологические представления. Так, имя *Прозерпина*, окруженное мифологическим ореолом таинственности (в античной мифологии — жена повелителя подземного царства Плутона) и вследствие этого амбивалентное в плане соотносительности со шкалой оценок, может стать комически сниженным благодаря взаимодействию с СВО иного, морфологического уровня (диминутивом), а также с контекстуальным окружением, преднамеренно доведенным до абсурда: «...старшую дочь звали *Прозерпиночкой*: прилетят уланы-юнкера, прижмут *Прозерпиночку* к уголку и крутят усы» (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Чижиково горе*). Эксплицированию иронии способствует и субъективно-оценочная форма имени-квазистереотипа, что отмечается и в приводимом далее текстовом отрезке: «С тех пор, как я стал молиться тебе, *Эраточка*, ни одно мое стихотворение не было похерено» (А.П. Чехов. *Современные молитвы*). (*Эрато* — муза эротической поэзии, и неоднозначность восприятия данного явления, безусловно, усиливает амбивалентность оценки). По данным НКРЯ, пик упо-

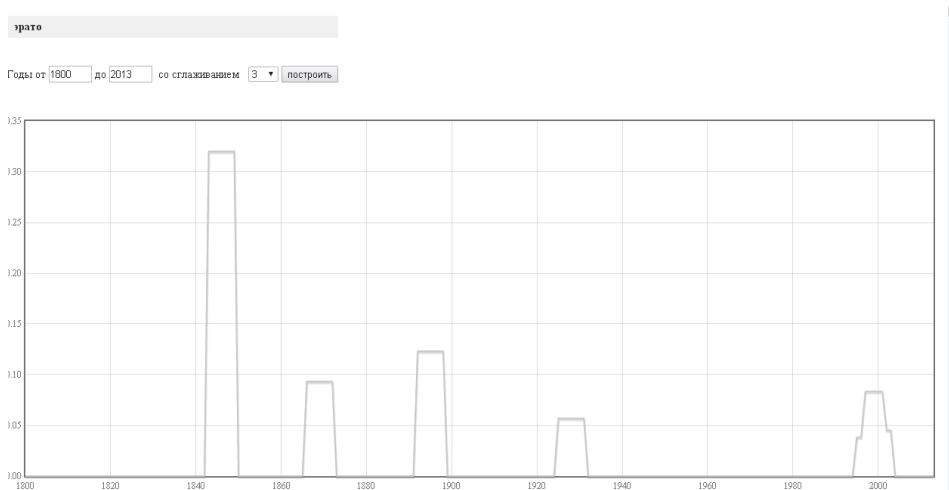

Рисунок 1. Распределение квазистереотипа *Эрато* по годам (на миллион словоформ)

требления данного имени-квазистереотипа приходится на середину XIX века (см. рис. 1).

Во многом сходна ситуация в следующих контекстах: «И надолбил он (дядел — Л.М.) целую охапку исторических исследований: “Родословная лешего”, “Была ли замужем Баба-Яга?”» (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Орел-меценат*). «Один только я такой несчастный, что ты у меня *Ягой* на свет уродилась» (А.П. Чехов. *Невидимые миру слезы*).

В русском литературном языке XIX века с наибольшей яркостью проявляется диалектический характер оценочных смыслов, присущих именам-квазистереотипам: с одной стороны, они выступают как хранители аксиологически ориентированной информации, с другой — могут усложнять декодирование текста, отражающего стереотипы иного социума. На уровне допущения можно говорить также о том, что в истории языка ускоряется процесс закрепления за именем-символом оценочных смыслов, т.е. обретения им функций квазистереотипа. Приводимые нами ниже контексты свидетельствуют о том, что наиболее отчетливо такое ускорение наблюдается в сфере литературной антропонимики. Так, *Иудушке Головлеву* достаточно было нескольких лет, чтобы перешагнуть границы творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина и превратиться в антропоним-квазистереотип. Именно в таком качестве он предстает перед нами в одной из чеховских юморесок: *Мнение Иудушки. Хе-хе-хе! Обидели моих голубушек... И к чему это против характера делать? Вместо того, чтобы шляпы снимать, они бы так сделали: отдали бы мужчинам партер, а дамочкам — галерку — и шляпы целы, и всем видно! Хе-хе...* (А.П. Чехов. *Мнения по поводу шляпной катастрофы*). Данное утверждение подтверждается статистическими данными НКРЯ (см. рис. 2, где отражается пик употребления данного имени: 20–30 годы XX века, что иллюстрирует сравнительную быстроту его вхождения в фонд оценочной антропонимики).

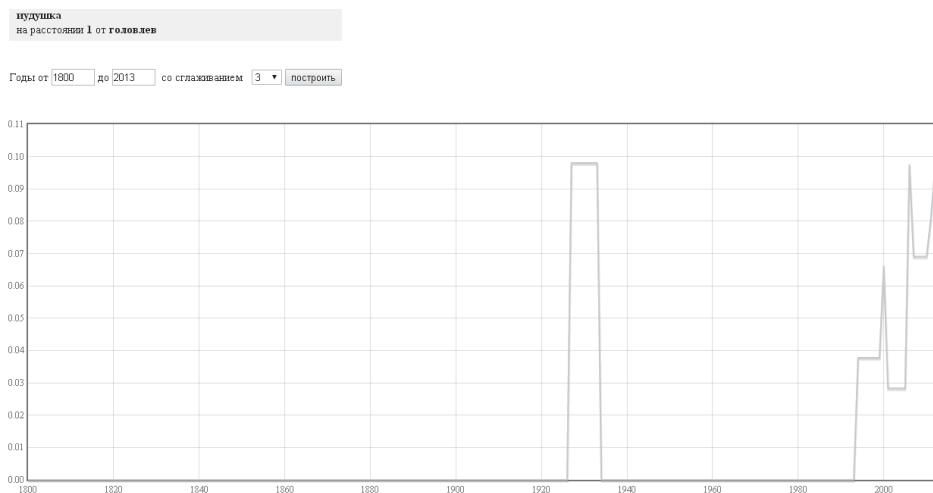

Рисунок 2. Распределение квазистереотипа *Иудушка Головлев* по годам (на миллион словоформ)

Это утверждение можно отнести и к гоголевскому *Ноздреву*: *Отталкивала меня от него настоящая ноздревщина... мне все так и казалось, что он мне дома у себя всучит либо борзую собаку, либо шарманку* (Н.С. Лесков. *Отборное зерно*). *Он отправился в Миргородский уезд, туда, «где неистовствовал Ноздрев и где Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем».* (М.П. Чехов. *Антон Чехов на каникулах*). Аналогичен процесс превращения в квазистереотип имени *Квазимодо*, которое, однако, требует определенного уровня апперцепционной базы. В то же время ядерной семьей, служащей опорой для вхождения квазистереотипа в фонд оценочной лексики, является сема 'безобразия', т.е. основание оценки по преимуществу эстетическое, которое способно подвергаться различным трансформациям в контексте (в частности, оно может быть соотнесено с оценкой этического характера): *Как отвратительно мне было смотреть на его вечную насмешливую улыбку! Это было чудовище, нравственный Квазимодо* (Ф.М. Достоевский. *Записки из Мертвого дома*); *Отец, ввиду уродства спасенного..., хотел прозвать его Квазимодо* (Д.В. Григорович. *Город и деревня*). Отметим, что имя трансформировалось в квазистереотип, закрепленный в соответствующей лингвокультурной общности, благодаря тому, что оно представляет личность, наделенную специфичным лексиконом, тезаурусом и прагматиконом. Аналогичную картину, основанную, однако, более на внешнем сходстве, нежели на составляющих языковой личности, отмечаем и в следующих случаях: *В цилиндре, в шубе нараспашку, он напоминает мне на первых порах Репетилова; потом же, когда я всматриваюсь в его бледное лицо и необыкновенно острые, словно воспаленные глаза, сходство с Репетиловым исчезает* (А.П. Чехов. *Тапер*); *В сей день Собакевич наступил на ногу губернатору* (А.П. Чехов. *Календарь «Будильника»*); *Такие выражения, как индюк, Собакевич, пузан и пр. покоробили его самолюбие* (А.П. Чехов. *Месье*). В качестве исходного пункта для актуализации аксиологических смыслов антропонимики

этого рода можно отметить и особенности сюжета, порождающие соответствующее восприятие и оценку:

- Вы, Иван Иванович, будете дело делать?
- Где мне, Иван Никифорович! Моя изба с краю: вот разве вы...
- Что вы! Что вы! Разве я об двух головах!

(М.Е. Салтыков-Щедрин. *Мала рыбка, а лучше большого таракана*).

Имена гоголевских персонажей в данном случае с большей степенью экспрессии эксплицируют пейоративное отношение к обывательской позиции, выраженной отсылкой к известным квазистереотипам.

В целом, характеризуя состав аксиологически ориентированных антропонимов в текстах XIX века, следует отметить отсутствие резкого превалирования какой-либо группы имен: из 289 проанализированных контекстов квазистереотипы-бibleизмы представлены в 91 контексте; имена античных богов отмечены нами в 115 из проанализированных контекстов; имен, вошедших в фонд оценочной антропонимики, сравнительно немного (отмечены в 20 контекстах); наделенные аксиологическими коннотациями имена исторических лиц охватывают 64 контекста, и в 19 встречаются имена языческих богов Древней Руси, наделенные оценочной функцией. Отметим, однако, что неоднородность оценочных характеристик, их многоплановость касается прежде всего употребления бibleизмов: из 91 случая в 64 нами отмечено сниженное, «обмирщенное» их употребление. Этот факт свидетельствует как о том, что они продолжают оставаться в светлом поле сознания и употребляющий их автор рассчитывает на адекватное декодирование реципиентом, так и о продолжающемся процессе десакрализации данных прецедентных имен.

Таким образом, в литературном языке XIX века нами отмечена дальнейшая эволюция имен-квазистереотипов, характер которой базируется на приоритетах прецедентных текстов, избираемых социумом в данный конкретный момент на диахронической оси: в корпусе текстов XVII в. преобладают квазистереотипы-бibleизмы, так как это лишь начальный этап секуляризации мышления; литературный язык XVIII в. характеризуется сдвигом приоритетов в сторону квазистереотипов-мифологизмов, и, наконец, в корпусе текстов, хронологически соотносимых с XIX в., нами отмечено явное преобладание квазистереотипов, базирующихся на текстах художественных произведений отечественных и зарубежных авторов. Существенно меняется и спектр этих оценочных средств, и принципы их использования. Важно отметить, что возможность инверсии закрепленного за ними оценочного знака подчеркивает амбивалентный характер, присущий, по-видимому, большинству оценочных средств инвентаря языка, а также свидетельствует об осмыслении носителями языка наличествующих в квазистереотипах диалектических противоречий, о которых уже говорилось выше: во-первых, в системе языка имя как концепт наименее информативно — квазистереотип же в силу символичности актуализирует в сознании цепь ассоциаций; во-вторых, диалектической по природе является трансформация оценочного знака; в-третьих, в этих оценочных единицах нами отмечено противоречие когнитивной и эмотивной сторон значения. Все это служит показа-

телем развития имен-квазистереотипов как составляющих оценочной системы русского литературного языка.

Подводя итоги, заметим, что антропонимы с оценочным значением, ориентированные на квазистереотип, вносят значительный вклад в формирование оценочной полифонии текста и помогают воспринять его экспрессивные характеристики. В то же время восприятие художественного текста, содержащего их, требует своеобразного сотворчества читателя и, следовательно, наличия специальных знаний о знаке оценки и об аксиологических коннотациях, закрепленных за тем или иным антропонимом в той или иной лингвокультурной общности. А это подчеркивает необходимость предварения лингвистического анализа текста целым блоком информации культуроведческого характера, что обуславливает необходимость составления словаря оценочных квазистереотипов, отражающих специфику национального мировидения.

Литература

- Бельчиков Ю.А. *О культурном коннотативном компоненте лексики*. «Язык: система и функционирование». Москва: Наука, 1988, с. 30–35.
- Бижкенова А.Е. *Ономастическая оценка в языковой картине мира*. «Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия филологическая» 2005, 2, с. 67–70.
- Биржакова Е.Э., Л.А. Воинова, Л.Л. Кутина. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград: Наука, 1972.
- Ермакова О.П. *Ирония и проблемы лексической семантики*. «Известия АН. Серия литературы и языка» 2002. Т. 61, № 4, с. 30–36.
- Каримова Р.А.. *Слова с фоновым оценочным значением*. «Русский язык в национальной школе» 1983, № 6, с. 13–17.
- Кислов Б.А. *Проблемы оценки в философии. Вопросы теории и методологии*. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985.
- Мадиева Г.Б. *Теория и практика ономастики. Учебное пособие*. Алматы: Казак университети, 2003.
- Погосян Р.Г. *Концепт «судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск 2005.
- Рубцова Е.Ю. *Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону 2006.
- Телия В.Н. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*. Москва: Наука, 1986.
- Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Толстой Н.И. *Заметки о славянских именах собственных*. [В:] Н.И. Толстой. *Избранные труды*. Т. 1. Москва: «Языки русской культуры», 1997, с. 378–395.

Список использованных источников

- Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] <<http://www.ruscorpora.ru/>>.
 Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. Москва: Наука, 1975–2008.

Словарь русского языка XVIII века. АН СССР. Институт русского языка. Гл. ред. Ю.С. Сорокин. — Вып. 1–6. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1984–1991.

Словарь русского языка XVIII века. АН СССР. Институт русского языка. Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1992–2012.